

ОБРАЗЫ ЗВЁЗДНОГО НЕБА В АНТИЧНОЙ ДРАМАТУРГИИ

5.10.1.

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-38-50>

Андрей Васильевич ФЕСЕНКО,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: icaria@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные примеры изложения астрономических вопросов в античной драме. Нередко драматурги Древней Греции и Рима включали разные философские и астрономические аспекты в свои произведения. К сожалению, до наших дней сохранились немногие произведения трагических и комических поэтов, в то время, как в античную эпоху их было значительно больше. В продвижении научных знаний в массы античный театр играл исключительно важную роль, благодаря такой отличительной черте, как массовость. Драматургический материал почти сразу стал объектом пристального внимания схолиастов (комментаторов), а в Византии на манер театральных представлений проводились состязания в т.н. «театрах учёных». Это очень важно для более глубокого понимания роли астрономической тематики в античной драме и педагогике.

Ключевые слова: античность, античный театр, драма, астрономия, античная философия.

Для цитирования: Фесенко А. В. Образы звёздного неба в античной драматургии // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №2 (53). С. 38–50. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-38-50>

IMAGES OF THE STARRY SKY IN ANCIENT DRAMATURGY

Andrey V. Fesenko,

CSc in Pedagogy, Associate Professor
at the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: icaria@list.ru

Abstract. The article examines various examples of presentation of astronomical issues in ancient drama. Often, playwrights of Ancient Greece and Rome included various philosophical and astronomical aspects in their works. Unfortunately, few works of tragic and comic poets have survived to this day, while in ancient times there were much more of them. In the promotion of scientific knowledge to the masses, ancient theater played an extremely important role, thanks to such a distinctive feature as mass participation. Dramatic material almost immediately became the object of close attention of scholiasts (commentators), and in Byzantium, competitions were held in the manner of theatrical performances, known as «theatres of scientists.» This is very important for deeper understanding of the role of astronomical topics in ancient drama and pedagogy.

Keywords: antiquity, ancient theater, drama, astronomy, ancient philosophy.

For citation: Fesenko A. V. Images of the starry sky in ancient dramaturgy. Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts. 2024, no. 2 (53), pp. 38–50. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-38-50>

Переход от мифологического мышления к логическому в Древней Греции не только знаменовал рождение научного метода познания, но и совпал с расцветом драматической поэзии, театра. При этом трагики интересовали не только собственно мифологические сюжеты, но и важные вопросы мировоззренческого плана. Досократовская философия, уделявшая большое внимание вопросам познания и описания физического мира, нашла яркое отражение, в том числе, на театральных подмостках. По этому поводу Секст Эмпирик в книге «Против музыкантов» заметил, что физические вопросы природы серьёзно волновали трагики [16, с. 194–195].

Театральное действо в античности было, прежде всего, мистерией, одной из форм поклонения божеству. И оно, как любой сакральный акт, подчинялось культовому календарю, в основе которого лежали наблюдения за движением Солнца, Луны и звёзд. Поэтому с древнейших времён на небесной сфере были выделены наиболее приметные звёзды. Время их восходов и заходов в течение года структурировало сакральные и профанные стороны жизни людей.

Особенно почиталась календарная и навигационная звезда Арктур (или Арктофилас) в созвездии Волопас, что нашло отражение и в античной драматической поэзии. Вполне уместно предположить, что театр, в определённой степени, был обязан своим возникновением и этой звезде. Чтобы лучше понять это, обратимся для начала к музыке греков.

Античная Греция выработала два основных направления в музыке: кифаристика и авлетика. Кифаристика, струнная музыка лиры и кифары, – это музыка Аполлона, бывшего для греков олицетворением истинной эллинской музыки, возвышенной и благородной, стремящейся сохранить древние традиции. Главным инструментом Аполлона была кифара или лира, помещённая на небо в виде созвездия [13, с. 75].

Авлетика, т. е. музыка Диониса, имела иной характер, являя собой визг авлосов, оглушительные удары тимпанов и кимвалов. В архаическом сознании Дионис воплощал изменяющийся, вечно умирающий, воскресающий и непрерывно обновляющийся мир природы. Плутарх писал, что древние «исследователи природы божества» давали имя Диониса всем превращениям и перемещениям составных элементов в воздухе, воде, на земле, растительном и животном мире, который «называется самым известным из имён – космосом» [15, с. 82].

Музыка Диониса, как и музыка Аполлона, имела календарно-астрономический подтекст. Главным музыкальным инструментом Диониса был авлос – духовой инструмент, напоминающий флейту. Плиний Старший сообщает, что к срезанию тростника, для изготовления авлоса, следует приступить

при восходе Арктура (sub Arcturo), т. к. в это время тростник уже был готов к срезке и обработке [21, р. 31].

Распространение культа Диониса в Греции, конечно, не могло обойтись без деятельности миссионеров. Возможно, некоторые персонажи, связанные с Дионисом, запечатлённые в мифах, и есть приверженцы его культа. Миссионером культа Диониса был, например, Арион из Метимны, изобретатель дифирамбов. С его именем связано созвездие Дельфин – один из символов Диониса. И звезду Арктур тоже можно назвать небесным свидетельством о миссионерах этого бога.

Согласно аттическому мифу, когда Дионис был в Афинах, его гостеприимно принял в своём доме пастух Икарий. В благодарность бог подарил ему виноградную лозу, научил выращивать виноград и делать вино. По Псевдо-Аполлодору: «Икарий захотел раздать смертным благой дар божества и пришёл к пастухам. Те попробовали напиток и, найдя его превосходным, напились, не смешивая его с водой, сверх меры, а затем, сочтя себя отравленными, убили Икария. Когда наступил день и они протрезвели, они похоронили убитого» [1, с. 72]. Собака Икария Майра, видевшая, как пастухи хоронили Икария, привела к этой сосне дочь Икария Эригону. Узнав об убийстве отца, Эригона повесилась на той же сосне. Образы Икария, Эригоны и собаки Майры боги поместили на небе среди звёзд. Майра стала созвездием Большой Пёс, Эригона – созвездием Дева, а Икарий стал Волопасом с яркой звездой Арктур. Римляне Икарием называли звезду Сириус (греч. Σείριος, лат. Canicula) [5, с. 39–40], а звезду ε Девы именовали Виноградарь, что также указывает на связь с Дионисом [3, с. 176].

В античной драме, стремящейся к катарсису, подчинялись этой цели и сценические катастеризмы, т. е. повествования о героях, переместившихся на небо и ставших созвездием или иным небесным объектом. Эти метаморфозы вовлекали публику в таинство приобщения к миру божественного. Образы этих покровителей сверкали в бесконечном безостановочном движении небесной сферы. Обретение бессмертия в образе созвездий было высшей наградой за труды и подвиги в земной жизни. Таким образом, у некоторых полисов появлялись покровители в небесном эфире. В качестве примера, можно привести город Гераклею Понтийскую, который был назван в честь Геракла [18, с. 384].

Геракл – благодетель человечества. После смерти он был причислен к сонму олимпийских богов, и его образ на небе представлен созвездием Геркулес. В драме он был весьма популярен как в трагедии, так и в комедии. Однако Геракл – персонаж мифов, а есть звёзды/созвездия, связанные и с реальными людьми (Береника II Эвергетиды, Арион из Метимны, Птолемей I Сотер), которые почитались как обожествлённые люди, удостоенные сакральной памяти. Имя и образ человека, запечатлённые на небе, являются вечным памятником.

Во взаимном расположении созвездий на небесной сфере часто представлялись сцены из мифов, образуя т. н. астромифологические комплексы. К ним, например, относятся группы: Кассиопеи, Цефея, Андромеды, Персея, Пегаса и Кита; Ориона, Гиад, Плеяд, Большого Пса, Малого Пса, Зайца; Змееносца, Змеи, Скорпиона и т. п. Сюжеты астральных мифов явились фундаментом некоторых театральных драм. Об этом можно судить по поздним нарративным источникам.

Яркой иллюстрацией к сказанному служит не сохранившаяся до наших дней трагедия Еврипида «Андромеда», поставленная в 412 г. до н. э. Вообще, этот замечательный астральный миф был очень популярен (и не только в античные времена). Судьбе Андромеды было посвящено немало как прозаических, так и поэтических произведений писателей Греции и Рима. Кроме того, этот сюжет был не чужд живописи и вазописи. Например, на знаменитой «Вазе Андромеды» (V в. до н. э.) царевна изображена в театральном костюме. Хитон Андромеды, в полный рост, с длинными рукавами, богато расшит изображениями животных и орнаментом волны [6, с. 59]. На голове т. н. фригийский колпак, указывающий на то, что перед нами не эллина, а чужестранка. До наших дней дошли и фрагменты драм других авторов с таким же названием. В частности, «Андромеда» Софокла.

«Андромеда» считалась «прекраснейшей из драм Еврипида», по словам схолиаста [26, р. 276]. Действительно, именно эта трагедия Еврипида была самой известной. Не случайно, Лукиан из Самосаты в самом начале трактата «Как следует писать историю» рассказывает анекдот о случае, якобы произошедшем во фракийском городе Абдеры. После выступления актёра Архелая абдериты словно помешались на этой трагедии. Они с особым чувством цитировали самые печальные строки из «Андромеды» [11, с. 81].

К «Андромеде» обращалась и комедия. Так, комедиограф Фриних в своей комедии изобразил Андромеду старухой [26, р. 108]. Аристофан, театральный противник Еврипида, подверг безжалостной критике творчество трагика в «Женщинах на празднике Фесмофорий». Он приводит фрагменты из подлинной «Андромеды». Поскольку эта трагедия утрачена, то можно сказать, что цитирование фрагментов из неё – великая удача для современных исследователей астральных сюжетов в античной драме.

В прологе трагедии царевна, прикованная к скале, ожидает появления из морских глубин морского чудовища (κῆτος). Она обращается к богине Ночи, обвиняя её в медленном течении времени, и желает скорейшей смерти [2, с. 600]. Но вот с небес на землю опускается Персей, летевший над землями царства Кефея после победы над Горгоной Медузой.

*«В какую землю варваров примчал меня
Полёт сандалий? Посреди эфира путь
Себе ногой прорезал я крылатою» [2, с. 605].*

Возможно, что к этим словам Персея относилась и строчка, сохранившаяся у Евсевия Памфила в «Приготовлении к Евангелию»: «над волнами морскими и над Плеядами» [23, р. 438]. На звёздном небе группа созвездий: Кефей (Цефей), Кассиопея, Андромеда, Персей, Кит, действительно напоминает сцену из спектакля. При этом, Персей находится именно над Плеядами. В «Явлениях» Арата Солийского есть уточнение:

*«С левым бедром по соседству персеевым, все совокупно,
Мчатся Плеяды...»* [13, с. 33].

Знаменитое звёздное скопление Плеяды, которое в античные времена выделялось в отдельное созвездие, играло исключительно важную роль в жизни людей. Плеяды были календарным репером, регулирующим хозяйственную и культовую жизнь. Это скопление весьма широко представлено в античной поэзии, начиная с Гомера и Гесиода. Плеяды и Гиады фигурируют на знаменитом щите Ахиллеса в «Илиаде» [7, с. 414].

Еврипид в «Электре», представил своё, отличное от Гомера, описание щита Ахиллеса. В этом постгомеровском описании изображён и Персей (которого нет у Гомера), находящийся на небе в непосредственной близости от Плеяд и Гиад. Последние, как говорит Еврипид, напрямую связаны с пророчеством о гибели Трои [9, с. 25].

А согласно Эсхилу, Троя была взята в полночь, при заходе Плеяд. Вот что он говорит в «Агамемноне»:

*«Столица из-за женщины
Аргоским зверем в пыль обращена и в прах.
Когда Плеяды гаснут, в час полуночный
Рожденный конским чревом щитоносец-лев
С разбегу прыгнул через стену крепости
И царской кровью жажду утолить сполна»* [20, с. 212]

Цикл троянских сказаний является едва ли не центральной темой античной трагедии. В той или иной степени все сюжеты связаны либо с событиями предшествующими Троянской войне, либо с самой войной, либо с её последствиями. Главным источником вдохновения для драматургов были «Илиада», «Одиссея», «Киприи», «Возвращения», «Эфиопида» и др.

Творческая обработка сказаний эпоса касалась, конечно, и астрономических моментов. Так, в «Оресте» Еврипида, события происходят уже по окончании Троянской войны. Аполлон объявляет, что Елена была им превращена в звезду и вместе со своими братьями Кастором и Полидевком, традиционно связанными с зодиакальным созвездием Близнецов, спасает

моряков [9, с. 386]. О каком светиле идёт речь? Вероятно, о планете Венера. Это самая яркая из планет, по яркости находящаяся на третьем месте после Солнца и полной Луны. Венера была покровительницей моряков и в европейской традиции почиталась как *Stella marina*.

Согласно эллинской традиции, братья Елены были хранителями моряков, спасая их от бурь, и таковыми они почитались во все века античной цивилизации. При этом они отождествлялись с теми огнями, что появляются на мачтах и прочих выступающих частях судна при грозе или перед грозой («огни св. Эльма»). Древние видели в них надежду на избавление от опасности.

Особенно поэтичны в драме описания красот звёздного неба. В трагедии Еврипида «Ион» говорится о великолепном шатре.

*«..... было
Там выткано узором, как Уран
В кругу эфирном собирает звёзды
И Гелиос на крайний запад пламя
Своей четвёрки гонит, а за ним
Влачится яркий Геспер; дальше Ночь
В одеждах чёрных и на колеснице,
Без пристяжных. За нею звёзды вслед.
Плеяды держат средний путь эфира,
С ней меченосный Орион. Над ними
Медведица, что повернула хвост
К златой звезде Арктур. Полным кругом
Горит Луна в зените, и Гиады,
Предвестницы дождей, чьё никогда
Явление пловца не обмануло, –
И Эос, наконец, и перед ней
Бегут светила ночи» [9, с. 282].*

Из римских авторов самым «звёздным» мы можем назвать Луция Аннея Сенеку Младшего. Он нередко включает в свои трагедии картины неба. Нет никаких сведений о том, ставились ли эти пьесы на сцене. Также нет возможности определить датировку этих пьес. Тем не менее, их тексты указывают на то, что к драматургии Сенека обратился, являясь уже известным философом-стоиком. Его трагедии, конечно, ориентировались на образованного зрителя или читателя, знакомого не только с философской мыслью, но и с произведениями греческих и римских трагиков.

Трагедии Сенеки изобилуют фактическими и аллегорическими описаниями картин звёздного неба и отдельных светил. Особенно ярко это вы-

ражено в трагедиях, посвящённых Гераклу, которому Сенека посвятил две трагедии. Для «Геракла в безумье» основным источником послужил «Геракл» Еврипида, а для «Геракла на Эте» основой была трагедия Софокла «Трахинянки». Геракл-Геркулес был приобщен к миру небесных светил в виде созвездия. И не случайно Сенека в этих трагедиях живописует звёздные сцены. В «Геркулесе в безумье» сумасшедшему Геркулесу чудится солнечное затмение и небесная битва созвездий [17, с. 140]. В этой же трагедии первая супруга Геркулеса Мегара произносит фразу, которая стала со временем крылатой: «Не гладок путь от Земли до звёзд» (Non est ad astra mollis e terris via) [24, p. 18]

В античной драме есть сцены вмешательства светил в земную жизнь людей и влияния на их судьбы. Пример такого вмешательства есть в комедии римского драматурга Тита Макция Плавта «Канат», сюжет которой, по словам самого автора, заимствован у греческого комедиографа Дифила. В прологе перед зрителями является персонифицированная звезда Арктур:

*«Кто движет всем: людьми, морями, землями,
Тому в небесном царстве я согражданин.
Вы видите: звездой сияю яркою —
Светило, что восходит своевременно
Всегда и здесь и в небе. Имя мне – Арктур» [14, с. 513].*

Как уже отмечалось выше, эта звезда была очень важным небесным календарным маркером. Её вечерний восход в феврале считался грозным явлением. Холодное море было беспокойным, часто бушевали штормы, и совершать плавания в это время было очень опасным и требовало изрядной храбрости.

По вине Арктура герои пьесы Плавта в самом начале терпят кораблекрушение. В результате этого события в дальнейшем возникают различные недоразумения.

Благоприятное и неблагоприятное время для морских путешествий, как и Арктур, было связано с таким звёздным ориентиром как упомянутые Плеяды. Их заход утром, перед восходом Солнца (в начале ноября), сулил сильные бури. Об этом напоминал Гесиод:

*«После того, как ужасная мощь Ориона погонит
С неба Плеяд, и падут они в мгlisto-туманное море,
С яростной силою дуть начинают различные ветры.
На море темном не вздумай держать корабли в это время,
Не забывай о совете моем и работай на суше».
[4, с. 619–623].*

В трагедии «Елена» Еврипида хор обращается к птицам:

*«О, спутницы туч быстробежных,
Небесные птицы! Летите,
Где путь указуют Плеяды
И блеск Ориона ночного!
На бреге Еврота весёлом
Вы весть подадите селянам,
Что царь, победитель Приама,
В старинный свой дом возвратится» [9, с. 138].*

Это место в трагедии всегда озадачивало исследователей. Ф. Ф. Зелинский отметил: «подлинно ли знал Еврипид толк в небесных часах? Стихи из «Елены» 1489–90 заставляют в этом усомниться» [8, с. 480]. Тем не менее, трудно согласиться, что Еврипид был настолько не образован, чтобы не разбираться в простейших темах календарной астрономии. Содержание этого фрагмента заключается в том, что действие происходит зимой («покинув дождливую зиму»), когда в южной стороне неба блещут звёзды Плеяд и созвездие Орион. На зимнее время птицы улетают в тёплые южные страны, т. е. в Африку. Именно об этом говорится в строчке об Орионе и Плеядах. Странность состоит в том, что хор, говорит о перелёте птиц на юг, но даёт им напутствие принести весть о «царе-победителе Приама» и падении Трои на берега Еврота (реки Эврот), в Спарту, т. е. на север. И всё же, повторим, что сложно допустить мысль о недостаточном уровне образованности драматурга в области наблюдательной астрономии. Ведь в древности жизнь любого человека, даже далёкого от научных занятий, подчинялась календарю (хозяйственному или культовому), который целиком базируется на астрономических наблюдениях. Ярчайшим примером тому являются «Труды и дни» Гесиода, где подробно изложены сельскохозяйственные работы годового цикла с доскональным описанием астрономических календарных явлений. Также показателен пример роли календаря в жизни человека в «Царе Эдипе» Софокла. В диалоге пастуха и вестника (также пастуха) речь идёт о времени выпаса домашнего скота, обозначенного как «от весны до Арктура» [19, с. 45], то есть до утреннего восхода этой звезды (13 сентября). Поскольку в греческих полисах были разные календари, то у жителей разных полисов при общении, например, при назначении времени встречи, возникала серьёзная трудность. Поэтому для подобных случаев пользовались всем понятным календарём, т. е. астрономическим. Уже по этой причине Еврипида нельзя обвинить в астрономической неграмотности и не исключено, что он подразумевал некое иносказание.

Неясности и неточности в описании небесных явлений побуждали схолиастов к глубокому анализу и препарированию текстов драматургов. По-

казательный пример содержится в схолиях к трагедии «Рес». В античности она приписывалась Еврипиду, но современная филологическая критика отвергает это мнение [10, с. 113]. Автор «Реса» остаётся неизвестным, а сама трагедия была написана, вероятно, в IV в. до н. э.

Сюжет автор заимствовал из десятой песни «Илиады». Действие происходит ночью в поле, недалеко от греческого военного лагеря. В одной из сцен хор произносит слова:

*«Заходят первые звёзды
И высокие небесные Плеяды,
А среди неба расположился Орёл»*
[22, р. 200. Пер. с древнегреческого А. Фесенко].

Схолиаст пытался основательно разобраться в этих строчках, обращаясь к мнению авторитетных учёных. «Кратет [из Пергама] говорит, что Еврипид ошибается относительно небесных явлений, потому что был ещё молод, когда поставил «Реса». Потому что Плеяды не заходят, когда посреди неба располагается Орёл, “ведь под землёй тогда находится Козерог, а Орёл размещается над ним – говорит Кратет – так как при заходе Плеяд тогда над землёй находятся следующие созвездия: Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, а под землёй: Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы, Овен”. Так об этих созвездиях говорит Кратет. Похоже, что в этом стихе употреблён двусмысленный оборот речи: так как Кратет полагал, что Еврипид говорит о том, что с первыми звёздами заходят и Плеяды. Но он не это имел в виду, а говорит о том, что скрываются первые звёзды, обозначающие время стражи, Плеяды же восходят. Иначе, почему он заходящие Плеяды назвал “небесными”? Поэтому ясно, что эти звёзды стражники делили на три промежутка времени: заход, восход и положение посередине неба. В самом деле, Пармениск говорит, что “первые звёзды” – это заходящие первые части Скорпиона, так их называли древние, потому что одновременно с ними начинается заходить Волопас. Так, например, Клеострат Тенедосский, древний [астроном] сказал:

*Но когда [уже] восемьдесят третий день остаётся
[На небе сияющий Арктофилакс, тогда первые звёзды]
Скорпиона падают в море одновременно с сиянием зари.*

Пармениск приводит такой хороший пример: первыми, относительно восхода Плеяд заходят звёзды Скорпиона, “ибо, когда Еврипид говорит “и семизвёздные небесные Плеяды”, они тогда не заходят, а напротив поднимаются из-под земли над горизонтом”. Возможно, это должно быть так:

...и семизвёздные

Плеяды [небесные],

которые, по отношению к нам, поднимаются на небо. О таком же положении говорит и Еврипид в своем описании явлений: “первые звёзды” приблизились к закату, а Плеяды восходят. Орёл же приблизился к середине небосвода». [25, с. 292–293. Пер. с древнегреческого А. Фесенко].

Этот комментарий красноречиво демонстрирует, какой резонанс вызывали подобные астрономические неясности и неточности в текстах драматических сочинений. «Рес» в этом отношении не уникален.

Другим светилом, исключительно важным как в плане навигации, так и для культа, была звезда Сириус – самая яркая на всём небосводе. Не удивительно, что и она нашла отражение в античной драматургии. В прологе «Ифигении в Авлиде» Еврипида речь идёт о Сириусе.

«Агамемнон:

(указывает старому рабу на небо)

Скажи, старик, какая там звезда

По небу катится?

Старый раб:

(смотрит на небо)

То Сириус, владыка,

Семи Плеяд созвездие настигла

И возле них небесный держит путь,

А что прошла, ей столько ж остаётся» [8, с. 32].

В этих строках много неясного. Дело в том, что Сириус находится на небе достаточно далеко от Плеяд. Поэтому предполагалось, что Еврипид по ошибке мог назвать так какую-то другую звезду. Ф. Ф. Зелинский, который во многом отредактировал перевод И. Ф. Анненского, указывал в комментарии к этому месту, что люди, знакомые с астрономией, ночью определяют время по положению хвоста Большой Медведицы или по созвездиям Зодиака. Еврипид упоминает Плеяды, по ним тоже можно определить время. Только причём тут Сириус? – задаётся вопросом Зелинский. Ведь он находится далеко от Плеяд. Более того, до II в. до н. э. имена звёзд и созвездий ещё не были все прикреплены к своим нынешним носителям и, возможно, что Еврипид имел ввиду другую яркую звезду, скорее всего, Альдебаран [8, с. 480]. Итак, высказывались точки зрения, что Еврипид мог иметь в виду не сам Сириус, а звезду Альдебаран, либо же он вообще был несведущ в астрономии. С последним предположением никак нельзя согласиться, что явствует из ряда других

дошедших до нас произведений Еврипида. С таким же успехом можно предположить, что речь идёт и о какой-то планете. Но всё дело в том, что иногда вообще все звёзды, а не только самую яркую звезду неба в созвездии Большого Пса, называли «сириусами»! В подтверждение этого можно привести одно сообщение из компендиума Теона Смирнского: «Адраст говорит, что поэты вообще все звёзды называют «сириусами», как, например, Ивик:

*...горя, как долгой ночью
жгучие, исполненные сиянием.*

А некоторые так называют только единственную блестящую и яркую звезду. Так, например, Арат называет звезду Пса «пылающий жаром». И трагический поэт о какой-то планете говорит:

«Что это за жгучая звезда пронеслась?»

[27, р. 202, пагинация 2.

Пер. с древнегреческого А. Фесенко].

Какова же была дальнейшая судьба театральной астрономии? В IV в. до н. э., в меняющемся мире накануне походов Александра Македонского и наступления новых реалий: политических, социальных и эстетических метаморфоз эпохи эллинизма, изменился и театр. Трагедия отходит на второй план, теряется в тени комедии, выходящей на первые позиции, и постепенно угасает. А комедия отныне совершенно лишается социальной актуальности, как это было веком раньше. И, как следствие, в прошлое ушли и сценические философские рефлексии, а падение Западной Римской империи стало последней страницей истории античного мира.

Тем не менее, спустя века, в Византии традиции античного театра были живы. Их усвоили кружки интеллектуалов, получившие название «театры» или «театры учёных». Философские диспуты воспринимались и протекали как театральное зрелище на сцене. Часто такие действия проводились с участием певцов и музыкантов, сопровождавшими произнесение речей, декламацией, пением и музыкой. В таких «театрах» происходили, в том числе, и астрономические дискуссии [12, с. 17–27].

Однако, при всех взлётах и падениях театральной жизни, слава звёзд не закатилась. К этой теме обращались драматурги следующих столетий, потому что звёздное небо с глубокой древности является источником творческого вдохновения, катализатором научного познания мира, эталоном красоты (κόσμος), самой совершенной и неизменной из картин, которые когда-либо видели глаза человека.

Список литературы

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Пер., изд., подгот. В. Г. Борухович. Ленинград: Наука, 1972. 215 с.
2. *Аристофан*. Комедии; Фрагменты / Пер. Адр. Пиотровского; Изд. Подгот. В. Н. Ярхо; Отв. Ред. М. Л. Гаспаров. Москва: Ладомир, Наука, 2000. 1003 с.
3. *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. Москва: Архитектура-С, 2006. 328 с.
4. *Гесиод*. Полное собрание текстов / Вступительная статья В. Н. Ярхо. Комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. Москва: Лабиринт, 2001. 256 с.
5. *Гигин*. Астрономия. Пер. с латин., [примеч.] и коммент. А. И. Рубана; Вступ. ст. А. В. Петрова. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. 220 с.
6. *Головня В. В.* История античного театра. Москва: Искусство, 1972. 399 с.
7. *Гомер*. Илиада. Пер. др.-греч. Н. И. Гнедича. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 608 с.
8. *Еврипид*. Драмы. Пер. И. Ф. Анненского. Под ред. и коммент. Ф. Ф. Зелинского. Том III. Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1921. 549 с.
9. *Еврипид*. Трагедии. В 2-х т. Т. 2. Перев. Иннокентия Анненского / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. Москва: Ладомир, Наука, 1999. 703 с.
10. *Егунов А. Н.* Атрибуция и атетеза в классической филологии. // Древний мир и мы. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. С. 83–138.
11. *Лукиан Самосатский*. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. А. И. Зайцева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 538 с.
12. *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. 340 с.
13. *Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды.* / Под. Ред. Н. А. Федорова и П. В. Щеглова. Москва: Издательство МГУ, 1992. 208 с.
14. *Плавт*. Комедии. Т. 2: Пер. с латин. / Коммент. И. Ульяновой. Москва: Искусство, 1987. 800 с.
15. *Плутарх*. Исида и Осирис. Сост., подготовка и оформление С. И. Еремеев. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996. 250 с.
16. *Секст Эмпирик*. Сочинения в двух томах. Общ. ред. А. Ф. Лосева. Пер. с древнегреч. Т. 2. Москва: Мысль, 1976. 421 с.
17. *Сенека*. Трагедии. Пер. с латин. С. Ошерова / Коммент. Е. Рабинович. Москва: Искусство, 1991. 496 с.
18. *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. 464 с.
19. *Софокл*. Драмы. В пер. Ф. Ф. Зелинского; Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. Москва: Наука, 1990. 605 с.
20. *Эсхил*. Трагедии. Пер. с древнегреч. Коммент. Н. Подземской. М., Искусство. 1978. 368 с.

21. *C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII*. Vol. III. Lib. XVI–XXII. Ed. Ludovicus Ianus. Lipsiae: sumptibus et typus B. G. Teubneri, 1878.
22. *Euripides*. Ed. by T. E. Page, E. Capps, W. H. D. Rouse. With an English translation by Arthur S. Way. In four volumes. Vol. I. – London: William Heinemann: New York: G. P. Putnam's, 1930.
23. *Eusebii Pamphili Praeparationis Euangelicae libri XV*. Ed. F. A. Heinichen, Tomus II. Lipsiae, 1843. 480 p.
24. *L. Annaei Senecae. Tragoediae*. Lipsiae, 1835.
25. *Mette H. J. Sphairopoiia*. Munchen, 1936.
26. *Scholia Graeca in Aristophanem*. Cum prolegomenis grammaticorum, varietate lectionis optimorum codicum integra ceterorum selecta, annotatione criticorum item selecta cui sua quaedam inseruit Fr. Dübner. Paris, 1855.
27. *Theonis Smyrnaei Platonoci Liber de astronomia cum sereni fragmento*. Textum primus edidit, latine vertit. Descriptionibus geometricis, dissertatione et notis illustravit Th. Martin. Parisiis, 1849.